

БЕДНОСТЬ РАБОТАЮЩИХ: КАК ИЗМЕНИЛИСЬ ДЕТЕРМИНАНТЫ В РОССИИ ЗА 20 ЛЕТ?

В. А. Аникин^{1,2}, Е. Д. Слободенюк^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

²Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».
109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, д. 11

Для цитирования: Аникин В. А., Слободенюк Е. Д. Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за 20 лет? // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 4. С. 23–41. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8603

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются детерминанты бедности работающих и приводятся оценки вероятности попадания в бедность для различных групп российского населения в 1998 и 2018 гг. На данных репрезентативных массивов RLMS-HSE было показано, что, несмотря на масштабное сокращение бедности в стране в 1998–2018 гг., соотношение структурных и индивидуальных факторов практически не претерпело изменений. В то же время изменилась конфигурация структурных факторов. В 2018 г. индивидуальные усилия стали всё меньше влиять на снижение вероятности попадания в бедность и всё большее значение стали играть характеристики рабочих мест и поселенческих неравенств. К 2018 г. в группе наибольшего риска оказались женщины и жители сельских поселений, хотя в 1998 г. в группе риска были мужчины и преимущественно городское население. Длительная консервация «плохих» рабочих мест в сфере рутинного труда и неравное распределение выигрышей деиндустриализации между городом и селом на протяжении двух последних десятилетий рассматриваются как главное объяснение природы российской бедности среди работающих.

Ключевые слова: бедность; работающие бедные; домохозяйства; доходы; заработная плата

Введение

В развитых обществах бедность является серьёзной и широко обсуждаемой проблемой. Как сама бедность, так и её социально-экономические последствия отдаляют общество от целей устойчивого развития. За последние два десятилетия общемировой уровень бедности значительно сократился, снизилось число и работающих бедных (с 26% в 2000 г. до 8% в 2018 г. [28]). Однако в последние годы общемировые темпы снижения бедности существенно замедлились, а бедность работающих искоренить так и не удалось. Предшествующий 2020 год, в который разразилась пандемия коронавируса, стал тяжёлым испытанием для всех стран

и выявил новые риски бедности для работающего населения. Международные эксперты вновь заговорили о проблеме «новых бедных», в число которых попали образованные граждане [27]. Также в последнее время всё чаще говорится о рисках бедности, связанных с «плохими» рабочими местами¹. Получается, даже в высокоразвитых странах наличие работы, вопреки ожиданиям, не гарантирует достойного уровня жизни.

Схожие тенденции мы наблюдаем и в России, хотя они обладают своей спецификой. Наша страна, как и многие развитые страны, достигла существенных успехов на ниве снижения абсолютной бедности за последние 20 лет. По официальным данным ФСГС РФ, уровень бедности в России сократился с 29% в 2000 г. до 12,1% в 2020 г.² При этом в нашей стране всё ещё сохраняются риски бедности для работающих. Может показаться, что эти риски не столь велики, если отталкиваться от национальной черты бедности — прожиточного минимума. Так, согласно оценкам ФСГС РФ, доля работающих россиян, доходы которых ниже прожиточного минимума, сократилась с 2005 по 2019 г. в 7 раз — с 24,4 до 3,3%³. Если же сопоставлять доходы работающих с «относительной» чертой бедности (классической границей бедности, применяемой в развитых странах [5]⁴), то масштабы явления значительно шире. Например, доля работающих россиян, доходы которых были ниже 2/3 медианы почасового заработка, в 2019 г. составила 24,7% от числа занятых в средних и крупных организациях (для сравнения, в 2009 г. таких россиян было 29%)⁵. Более того, от бедности не защищены даже россияне с высшим образованием, а также специалисты высшей квалификации [15]. Данные говорят сами за себя — в российском обществе проблема работающих бедных сохраняет свою актуальность, даже несмотря на успехи по борьбе с абсолютной бедностью и высокие показатели человеческого развития в России.

Все это возвращает нас к дискуссиям об успешном транзите посткоммунистических экономик к рынку, «особом» пути развития и зрелости институтов меритократической селекции. И. Селеньи, крупнейший современный специалист по трансформациям посткоммунистических стран, предполагает, что природа бедности в таких странах должна меняться по мере успешного перехода общества к рынку. В частности, должна уменьшаться роль жизненного цикла человека

¹ См. Резолюцию ООН 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 17.07.2021).

² См. на официальном сайте ФСГС РФ в разделе «Уровень жизни». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 17.07.2021).

³ См. на официальном сайте ФСГС РФ в разделе «Неравенство и бедность». URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3-3-1\(2\).doc](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3-3-1(2).doc) (дата обращения: 17.07.2021).

⁴ С 2021 г. Правительство РФ также перешло на расчеты бедности в соответствии с относительным подходом — теперь расчёт прожиточного минимума будет происходить в привязке к медианному доходу.

⁵ Данные ФСГС РФ (URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/tab-bed2-7.htm (дата обращения: 29.04.2021)).

и иных структурных факторов и возрастать значимость тех детерминант, которые больше связаны с личными достижениями человека, например — уровнем его образования и профессией [27]. Однако оценки, полученные в последние годы, не позволяют в полной мере подтвердить эту гипотезу. Например, на микроданных социологических опросов было неоднократно показано, что вероятность низкой оплаты труда существенно выше не только у россиян с низким образованием, но также и у занятых низкоквалифицированным трудом за пределами крупных городов [1; 14]. Другими словами, проблема бедности работающих россиян может детерминироваться не только «плохим» человеческим капиталом, но и «плохими» рабочими местами¹, и даже неэкономическими (территориальными) неравенствами, чего не наблюдается в европейских странах. Поэтому так важно понять, *как изменилась сравнительная значимость различных детерминант бедности работающих россиян за последние 20 лет — с 1998 по 2018 г. Насколько сильно изменилась конфигурация структурных и индивидуальных факторов за это время, какова роль индивидуальных усилий? Кто выиграл, а кто проиграл за это время с точки зрения рисков бедности?* Этим и другим вопросам и посвящена данная статья.

Работающие бедные как объект исследования

При исследовании работающих бедных необходимо учитывать ряд терминологических тонкостей. В отличие от понятия «бедность», которое имеет чёткое определение, закреплённое на международном уровне, термин «работающие бедные» до сих пор не имеет законодательного определения. Россия в этом отношении не является исключением. По этой причине бедность работающих в России официально не измеряется, хотя сама проблема давно обсуждается на различных публичных площадках. Официальная статистика публикует лишь несколько показателей, которые позволяют косвенно судить об уровне бедности среди работающих граждан. В качестве основного показателя, как было показано выше, Росстат выводит долю работников средних и крупных организаций с начисленной заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Этот показатель относится к методологической традиции анализа, в рамках которой под «работающими бедными» понимаются граждане, имеющие низкие индивидуальные доходы [21; 23]. Однако этот подход никак не учитывает факт того, что человек в большинстве случаев проживает в домохозяйстве, а значит, на величину доступных ему денежных средств влияют и доходы других членов его семьи. Низкая заработная плата или нестабильная занятость одного из работающих членов семьи совершенно не обязательно должны приводить к обеднению всего домохозяйства [29, с. 124].

¹ Отметим, что проблема «плохих» рабочих мест активно фигурирует в международном научном дискурсе [27]. Исследования бедности среди работающих европейцев, выполненные ещё до пандемии 2020—2021 гг., показали, что главную роль здесь играют низкая интенсивность нагрузки на рабочем месте и высокая нестабильность занятости [20].

По этой причине в научной традиции существует альтернативная трактовка феномена «работающих бедных». Согласно этому – второму – подходу, бедными считаются те работающие члены общества, чьи среднедушевые доходы (т. е. доходы семьи в расчёте на одного её члена) ниже черты бедности [29]. Этой логики придерживаются Международная Организация Труда и Всемирный Банк. Согласно их методологии, под бедными понимаются те работающие члены общества, чьи среднедушевые доходы в домохозяйстве не превышают 1,9 долл. в день по паритету покупательной способности [28; 25]. В этой же традиции работают и эксперты Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), закрепившие понятие «*in-work poverty*». Однако в своих расчётах они опираются на относительный подход и сопоставляют среднедушевые доходы работающих с 50% национальной медианны (см., например: [24, с. 179–184])¹.

В нашем исследовании мы следуем второй методологической традиции, закреплённой в подходе ОЭСР, и понимаем под «работающими бедными» тех россиян, которые проживают в бедных домохозяйствах.

Причины бедности в постсоветской России

Постсоветский транзит 1990-х гг. привёл к поистине тектоническим сдвигам в российском обществе. Изменения коснулись отраслевой и профессиональной структур. Хотя за чертой бедности оказались многие работники, в первую очередь пострадали городские профессии. Некогда благополучное городское население, представленное инженерами, учителями, врачами, военными, административными работниками и др. профессиями, в одночасье оказалось без средств к существованию, пополнив ряды так называемых «новых бедных» [7; 8; 18]. Передел собственности в городской промышленности привёл к сокращению издержек на труд и падению переговорной силы промышленных рабочих, в результате чего городские рабочие не только серьёзно потеряли в своих заработках, но и оказались незащищёнными перед лицом работодателя, переложившего на них все свои риски. Длительные задержки заработной платы и вынужденные отпуска стали нормой, что в разы увеличивало риски городской бедности в 1990-х гг. [7; 9]. Вполне закономерно, что с начала транзита внимание учёных было приковано именно к феномену городской бедности [6]. Однако начиная уже с середины 2000-х гг. исследователи всё чаще стали обращать внимание на увеличивающийся отрыв между городом и селом и, как следствие, на возрастающие риски проживания в сельских поселениях (Н. В. Зубаревич, Л. Н. Овчарова, Н. Е. Тихонова и др.). К 2010-м гг. реальностью новой России стала уже сельская бедность.

¹ Стоит отметить, что близкий по методологии расчёта показатель выводит Росстат при оценке доли населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже двух третей медианы.

В 1990-х гг. под ударом оказалась и бюджетная сфера. Падение заработных плат и хроническое нарушение бюджетной дисциплины привели к тому, что в числе бедных чаще оказывались работники именно государственных предприятий. В то же время трудоустройство на вновь созданных частных предприятиях позволяло снизить риски бедности и даже повышало шансы на материальное благополучие [8]. Однако после кризиса 1998 г. в России стала постепенно восстанавливаться бюджетная дисциплина, а также повысился уровень зарплат на госпредприятиях. Ситуация в экономике стабилизировалась. В результате занятость на госпредприятиях из фактора риска превратилась в фактор возможности, в то время как занятость в частных фирмах всё ещё связана с рисками. Исследования последних лет показывают, что опережающий рост бедности наблюдается среди работников тех частных предприятий, которые не предоставляют социальных гарантий [13]. Снижение социальных гарантий, в частности задержки заработной платы, участвовавшие после 2013–2014 гг., стали настоящей проблемой для некоторых категорий работников частных фирм. И хотя задержки зарплат являются скорее исключением из правил, сохранение таких рабочих мест в частном секторе можно отнести к рискам прекарности труда в новой России¹. Вероятно, при менее жёсткой политике занятости эти риски могут существенно возрасти.

По мере снижения количества бедных в стране стало очевидно, что риски бедности ложатся неравномерно на разные группы работников. К 2010–2020 гг. бедность стала нетипичным явлением для руководителей и профессионалов, хотя они все ещё продолжают сталкиваться с этими рисками [15; 12; 13; 16]. В то же время существенно возросли риски бедности для лиц, занятых физическим трудом, в том числе для неквалифицированных рабочих. Отсутствие какого-либо профильного образования значительно повышает риски бедности и обеднения в условиях экономических рецессий [13]. Наличие высшего образования традиционно страхует от этих рисков, хотя и не в полной мере [15].

Помимо экономических факторов, связанных со спецификой рабочего места, ключевым фактором бедности является композиция домохозяйств. По мнению учёных, высокая иждивенческая нагрузка детьми была и остаётся одной из ключевых причин бедности россиян. О её особой значимости активно писали как в годы транзита (А. Л. Александрова, О. Э. Бессонова, Т. И. Заславская, Л. Н. Овчарова, Н. В. Чернина, С. В. Шишкин и др.), так и после него — вплоть до сегодняшнего дня [3; 4; 17; 11; 16; 19]. При этом в особо тяжёлом положении находятся многодетные семьи (с тремя и более детьми). Мы предполагаем, что значимость этого фактора остаётся неизменно высокой.

Более того, можно предположить тесную связь бедности с жизненным циклом и полом человека. Повышенными рисками обеднения обладают не только дети, но и их родители (молодёжь, лица среднего возраста), преимущественно

¹ Для формирования представления об этом дискурсе см. работы Ж. Т. Тощенко, О. И. Шкаратана.

женщины, на которых зачастую возлагается задача по воспитанию детей¹ [2; 18; 7; 9]. Помимо этого, риски бедности женщин могут быть связаны ещё и с тем, что они занимают менее престижные профессиональные позиции. Плохое здоровье также может увеличивать риски бедности, особенно если оно выступает препятствием на пути к трудоустройству и достойной оплате труда.

В следующей части, опираясь на эконометрическое исследование природы бедности, мы рассмотрим, *как изменилась сравнительная значимость выше обозначенных детерминант бедности за последние 20 лет.*

Методология исследования и интерпретация результатов

Для достижения поставленной цели мы используем данные исследования RLMS-HSE за 1998 и 2018 гг.² Мы строим анализ на основе репрезентативных выборок этих лет. Для определения границ исследуемого объекта – работающих бедных – мы используем методику, максимально приближенную к той, которую использует государственный аппарат управления [10]. К работающим бедным мы относим всех работающих россиян, чьи среднедушевые доходы в домохозяйстве были менее величины прожиточного минимума, рассчитанного для каждого домохозяйства, исходя из количества детей, пенсионеров и трудоспособных в его составе в регионе проживания. В качестве показателя доходов мы используем совокупный доход домохозяйства, получаемый из более чем 20 источников (зарплаты, пенсии, алименты и т. д.), в номинальном выражении³ в расчёте на одного члена домохозяйства. Мы анализируем трудоустроенных россиян, принадлежащих к бедным домохозяйствам. Сформированные выборки охватывали 3057 респондентов в 1998 г. и 4154 в 2018 г.

В качестве зависимой выступает бинарная переменная, принимающая значение 1 в случае, если человек беден, и 0 – если он не беден. В качестве функциональной зависимости была выбрана логистическая функция распределения:

$$P(Y_i = 1 | X_i) = \Phi(\alpha + \beta X_i),$$

где Y_i – зависимая переменная, X_i – вектор независимых признаков, отобранных нами ранее на основе обзора литературы. Перейдём к результатам исследования.

Согласно нашим расчётам, число работающих бедных за анализируемые годы сократилось с 58,2 до 11,4%. Столь масштабное снижение бедности соответствовало общемировой тенденции по снижению бедности. В России сни-

¹ Среди обращающихся в государственные службы за получением статуса малообеспеченного в 1990-е гг. 90% составляли именно женщины, причём половина из их числа – одинокие матери.

² Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 02.11.2021).

³ Переменная TINCM.N, рассчитанная аналитиками НИУ ВШЭ.

жение было связано ещё с завершением транзитных процессов. Насколько это отразилось в структуре детерминант бедности работающих? Действительно ли структурные факторы стали играть меньшую роль и на первый план вышли индивидуальные особенности граждан?

Несмотря на пятикратное снижение бедности работающих, качественный портрет бедности с точки зрения её основных социально-демографических детерминант в целом претерпел не очень значительные изменения. Как в 1998, так и в 2018 г. самыми уязвимыми остаются многодетные семьи (в которых проживают трое и более детей), а также респонденты пенсионного возраста или имеющие плохое здоровье (см. рис. 1).

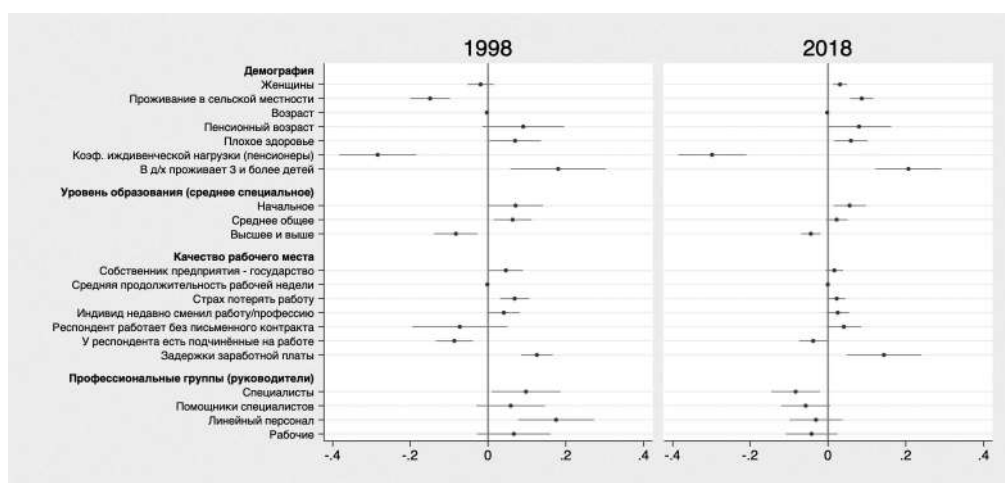

Рис. 1. Детерминанты бедности работающих. Средние предельные эффекты (вероятности), 1998 и 2018 гг.

Примечание. На графике приведены значения средних изменений вероятности попадания в бедность при наступлении рассматриваемых событий с указанием 95-процентных доверительных интервалов. Под коэффициентом иждивенческой нагрузки (пенсионеры) подразумевается доля пенсионеров в составе семьи. Данные значения рассчитывались на основе оценок логистических моделей с совместными эффектами. В силу специфики расчёта значения средних предельных эффектов могут быть не очень показательны для непрерывных величин. В нашем случае – это возраст и продолжительность рабочей недели. Данные эффекты рассчитываются отдельно. Остальные представленные признаки носят дискретный характер.

Проживание в многодетных семьях увеличивает вероятность попадания в бедность в России уже на протяжении 20 лет в среднем на 20%, и мы не видим тенденции к снижению этого показателя. Более того, если в 2018 г. молодая семья имела трёх и более детей, то вероятность попадания в бедность у работающего представителя этого домохозяйства увеличивалась с 10 до 35% (в возрасте примерно 34 лет, см. рис. 2). В 1998 г. аналогичная ситуация приводила к увеличению вероятности бедности примерно с 60 до 80%, хотя доверительные интер-

валы этой оценки для 1998 г. существенно шире, что является следствием низкой деторождаемости конца 1990-х гг. В связи с этим фокус социальной политики на поддержку многодетных семей и малообеспеченных, который был сформирован руководством страны как ответ на ситуацию пандемии 2020 г., видится полностью оправданной мерой, хотя и недостаточной.

В частности, видится необходимым повышение доходов и гарантий формального найма лицам пенсионного возраста. Несмотря на то что проживание с пенсионерами традиционно выступает фактором, страхующим домохозяйство от нищеты (о чём говорит негативный знак среднего предельного эффекта перед долей пенсионеров в домохозяйстве — то есть снижение вероятности бедности аж на 30%), трудовые доходы пенсионеров, как правило, являются более низкими и менее стабильными, чем у работников среднего возраста, — отсюда более сильное влияние пенсионного возраста на вероятность попадания в бедность. Этот риск является традиционным для нашей страны и его преодоление требует перехода к политике активного долголетия и гарантии достойной работы в пенсионном возрасте.

Получается, за 20 лет Россия так и не смогла нивелировать воздействие ключевых социально-демографических рисков бедности на уровне домохозяйств. Влияние характеристик домохозяйства, включая его композицию, на вероятность отнесения к бедности оказалось устойчивым на протяжении двух десятилетий. Другими словами, колоссальное снижение бедности, которое отмечалось на протяжении последних десятилетий, произошло не столько за счёт увеличения резистентности российских семей к бедности и существенного повышения запаса прочности на уровне домохозяйств, сколько за счёт изменения баланса сил, от домохозяйств во многом не зависящих. К таким силам можно отнести увеличивающуюся сегментацию рынков труда и социально-экономических неравенств и их пространственно-поселенческую локализацию.

С 1998 по 2008 г. городское население стало всё больше выигрывать с точки зрения снижения рисков попадания в бедность, в то время как сельское население стало всё больше проигрывать на фоне возрастающей депривации локальных рынков труда. Проживание в сельской местности сегодня является главной неэкономической структурной причиной бедности работающего населения в современной России. Из показателей рисунка 1 мы видим, что в 2018 г. вероятность бедности работающих возрастала в среднем почти на 10%, если домохозяйство проживало в сельской местности. Предсказанная вероятность для сельчан в возрасте 34–35 лет превышала 20%, в то время как для их сверстников из городов предсказанная вероятность бедности была менее 10% (см. рис. 2). Из рисунка 2 мы также видим, что ещё в 1998 г. проживание в сельских поселениях не приводило к таким катастрофическим последствиям — напротив, вероятность даже была ниже (50% против 65% для сельчан и горожан в возрасте 34–35 лет соответственно).

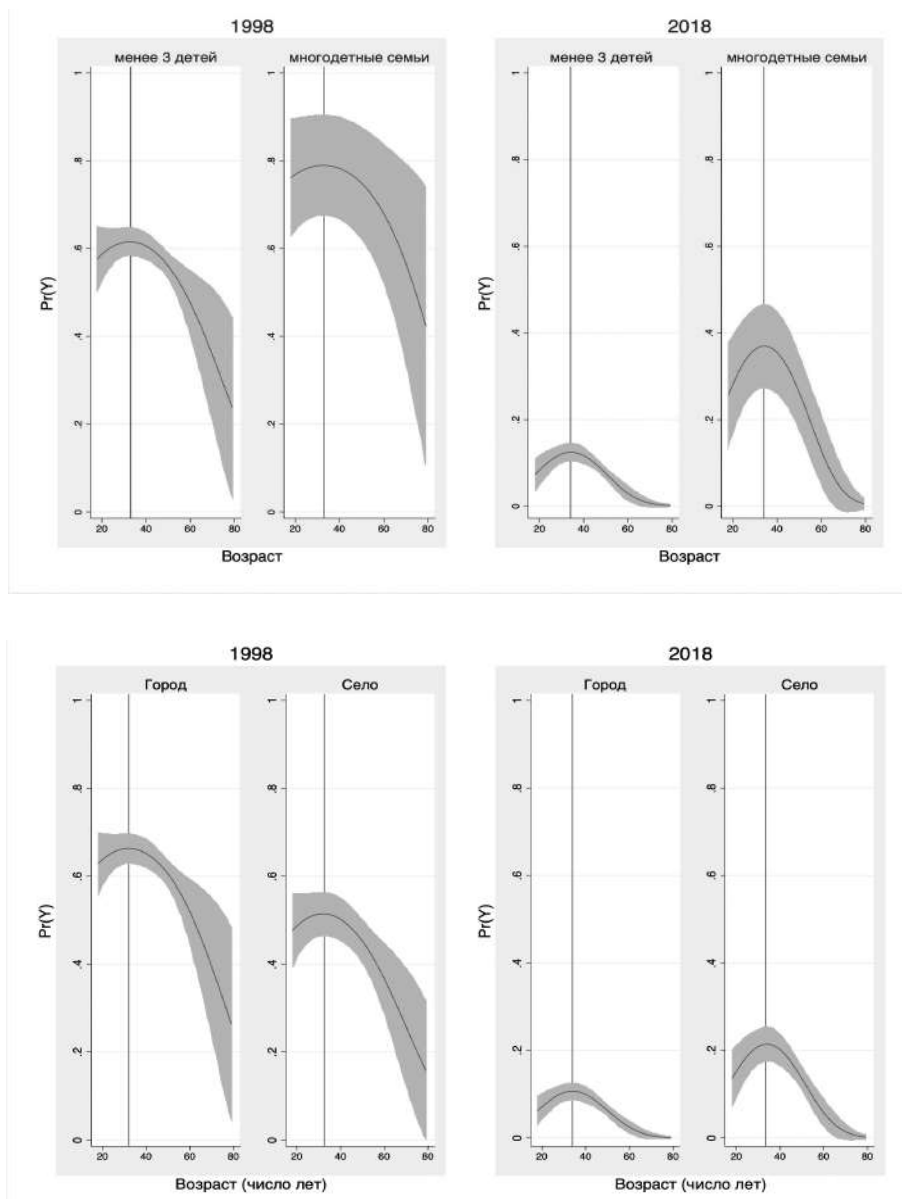

Рис. 2. Влияние возраста на вероятность попадания в бедность работающих россиян, в зависимости от композиции домохозяйств и их места проживания, 1998 и 2018 гг.

Примечание. На графике приведены значения предсказанных вероятностей попадания в бедность ($Pr(Y)$) при тех или иных значениях возраста с указанием 95-процентных доверительных интервалов (серая зона). Данные значения рассчитывались на основе оценок логистических моделей с совместными эффектами. Вертикальная линия показывает пиковое значение возраста (33–35 лет), после которого падает вероятность попадания в бедность.

Локализация бедности в сельских поселениях стала следствием планомерно-го разрушения остатков сельской экономики в 2000-х гг. и отсутствия значимых инвестиций в российское село на протяжении последних 30 лет. К 2018 г. вероятность попадания в бедность была выше для всех групп работников села, включая даже специалистов высшей категории (12% против 6% для городских специалистов), хотя наибольшая вероятность наблюдалась всё же для сельских работников, занятых рутинным трудом, т. е. для административного персонала и работников, занятых на простых позициях в сфере бытового обслуживания и торговли (почти 20% против почти 10%). Поскольку подавляющее большинство (более 3/4) работников нефизического труда — это женщины со средним и низким уровнем квалификации¹, то к 2018 г. риски бедности практически полностью были переложены на женщин, проживающих в сельских поселениях (18% против 14% у сельчан-мужчин). Разумеется, эти риски увеличиваются многократно, если речь заходит о многодетных или неполных семьях, в которых женщина в силу тяжёлых жизненных обстоятельств оказывается основным кормильцем.

Что касается мужчин-сельчан, то вероятность бедности среди них в 2018 г. была ниже, чем среди сельчанок, хотя выше, чем у горожанок, несмотря на то что ещё в 1998 г. мужское население российских сёл было самой «защищённой» от бедности социально-демографической группой (см. рис. 3). Проблема в том, что за это время в России кардинальным образом изменилось положение сельских рабочих, на что неоднократно указывали эксперты на протяжении последнего десятилетия.

Так, из данных рисунка 3 видно, что сельские рабочие, занятые физическим трудом и представленные в основном мужским населением, ещё в 1998 г. были одной из наиболее «защищённых» от бедности групп. Это может быть связано с тем, что хозяйственная инфраструктура села к 1998 г. ещё сохраняла свою жизнеспособность, предъявляя оплачиваемый спрос на рабочих как ключевой фактор производства в сельском хозяйстве. Более того, экономика давала возможность дополнительного заработка за счёт включения жителей села и рабочих в рыночные отношения и торговлю. Однако постепенная деградация сельского хозяйства и массовое закрытие производств в сельских поселениях в 2000-е гг. обернулись заметным снижением уровня жизни и возможностей заработка в сельских поселениях. Плоды деиндустриализации России стали всё больше перераспределяться в пользу образованных горожан, занятых умственным трудом, а оставшиеся на селе рабочие оказались в числе «проигравших».

¹ Стоит отметить, что феминизация рутинного труда была заложена ещё в советское время. Дисбаланс женщин и мужчин на позициях нефизического труда проистекал из гендерной асимметрии образовательной экспансии, которая в большей степени была нацелена именно на женское население страны. В 2000–2010-е гг. феминизация нефизического труда стала ещё более выраженной, увеличившись с двух третей в начале 1990-х до трёх четвертей в середине 2010-х гг.

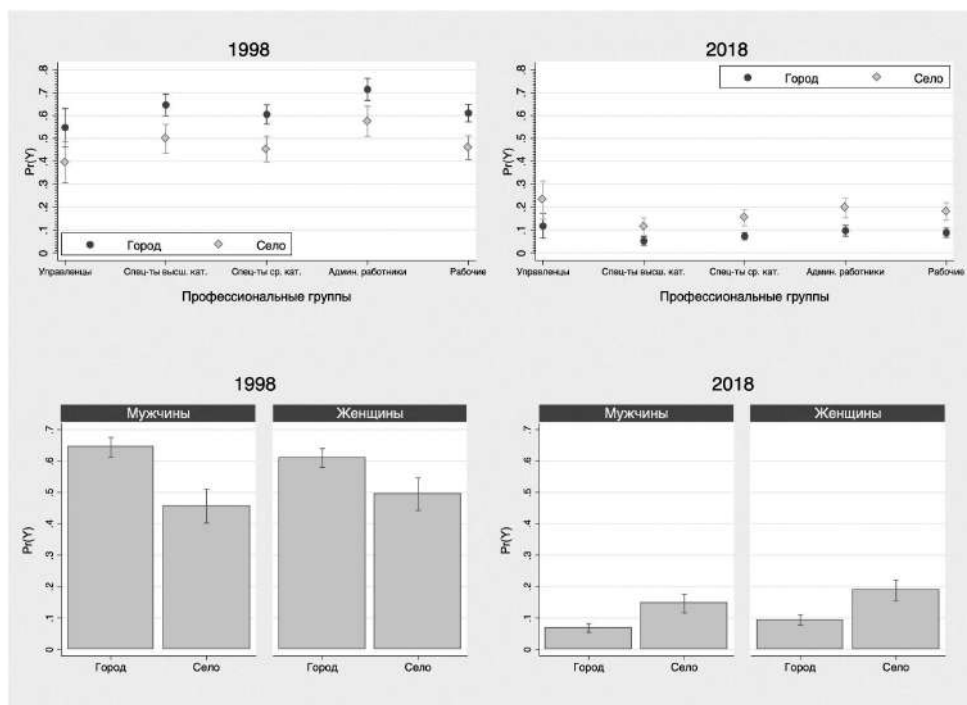

Рис. 3. Влияние места проживания на вероятность попадания в бедность работающих россиян, в зависимости от профессиональной и гендерной принадлежности, 1998 и 2018 гг.

Примечание. На графике приведены значения предсказанных вероятностей попадания в бедность ($Pr(Y)$) с указанием 95-процентных доверительных интервалов. Значения рассчитывались на основе оценок логистических моделей с совместными эффектами. Сокращения: «Спец-ты высш. кат.» = специалисты высшей квалификации; «Спец-ты ср. кат.» = специалисты средней квалификации (помощники специалистов); «Админ. работники» = административный персонал, а также работники, занятые на простых позициях в сфере бытового обслуживания и торговли (линейный персонал); «Рабочие» = работники, занятые физическим трудом. В целях наглядности верхняя граница оси ординат была ограничена на уровне 0,7.

Если рабочие в массе своей проиграли от деиндустриализации, даже несмотря на высокие темпы экономического роста первой половины 2000-х гг. (в то время как специалисты в массе своей всё же выиграли), то положение работников рутинного труда относительно этих профессиональных групп практически не изменилось. Как видно из данных рисунка 3, рутинный труд на протяжении 20 лет был сопряжён с наибольшими рисками попадания в бедность. Вероятность оказаться в бедности у административного персонала в 2018 г. была даже выше, чем у рабочих. Уже на протяжении многих лет рутинный труд остаётся самым низкооплачиваемым из всех родов деятельности, что является главной причиной бедности тех, кто вынужден им зарабатывать себе на жизнь. По сути речь идёт о продолжающейся десятилетиями дискриминации этой группы работников, причина которой — в низких темпах модернизации рабочих мест, где требуется рутинный нефизический труд.

Чем можно объяснить низкие темпы проникновения цифровых технологий и автоматизации на рабочие места, занимаемые данной категорией работников? Учитывая, что рутинный труд в нашей стране обходится работодателю очень дешево, у российских компаний снижены стимулы по обновлению технологической базы этих рабочих мест. С другой стороны, низкие требования к персоналу демотивируют административных работников к повышению квалификации и обучению на рабочем месте (сами компании также неохотно инвестируют в этот персонал). Получается замкнутый круг, разорвать который возможно лишь при развитии элементов рыночной конкуренции между организациями с разным типом собственности и условиями найма.

Итак, ключевой фактор высокого риска бедности для рутинного труда — это сохранение в экономике России «плохих» рабочих мест. Речь идёт не только о низкой заработной плате, но и о том, насколько своевременно она выплачивается.

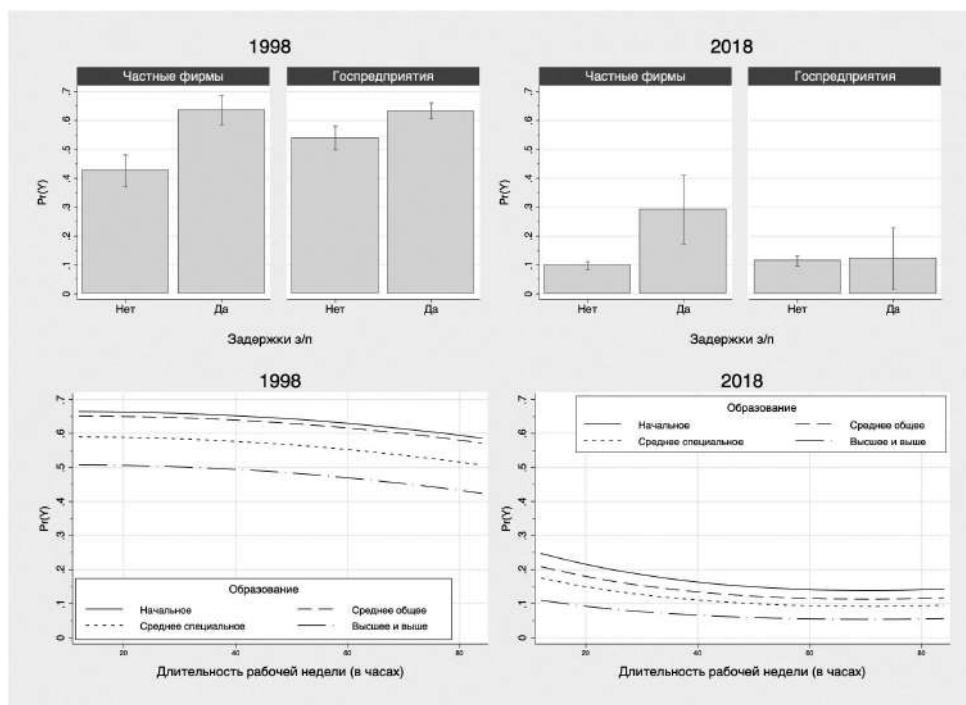

Рис. 4. Вероятность попадания в бедность в зависимости от интенсивности труда (нижняя панель) и его своевременной оплаты (верхняя панель), 1998 и 2018 гг.

Примечание. На верхней панели приведены значения предсказанных вероятностей попадания в бедность ($Pr(Y)$) с указанием 95-процентных доверительных интервалов. На нижней приведены средние вероятности ($Pr(Y)$), скорректированные на уровни образования без указания 95-процентных доверительных интервалов (в целях облегчения рисунка). В целях наглядности верхняя граница оси ординат была ограничена на уровне 0,7. Значения рассчитывались на основе оценок логистических моделей с совместными эффектами.

Из рисунков 1 и 4 видно, что ключевым детерминантом бедности были и остаются задержки заработной платы. Это наблюдалось и в 1998 г., когда была слабая бюджетная дисциплина и зарплаты не выплачивали месяцами даже работникам государственных предприятий, и в относительно благополучном 2018 г. Как видно, в 1998 г. задержка заработной платы повышала вероятность бедности до 65% как для персонала частных фирм, так и для бюджетников, хотя если зарплату выплачивали вовремя, то занятость в частных фирмах существенно «страховала» от бедности, снижая вероятность попадания в неё до 43%. В 1998 г. госпредприятия не могли предложить сопоставимых финансовых условий, поэтому вероятность бедности бюджетников была выше, чем в коммерческих фирмах, даже в тех случаях, когда зарплату выплачивали вовремя (54%). Однако к 2018 г. риски занятости на госпредприятиях, связанные с низкими зарплатами, были нивелированы. Даже редкие случаи задержки заработной платы на госпредприятиях не приводили к существенному росту рисков бедности. Эти риски в массе своей остались в частных фирмах. Так, несвоевременная выплата заработной платы на коммерческих предприятиях в 2018 г. увеличивала вероятность бедности с 10% до почти 30% (см. рис. 4). Другими словами, за 20 лет занятость в частных фирмах для определённых категорий работников перешла из зоны возможностей в зону рисков. Это ставит вопрос о способности российских предпринимателей, в том числе малого бизнеса, решить проблему бедности своими силами.

Другим измерением качества рабочих мест, о котором говорилось выше и которому уделяется большое внимание в европейских исследованиях природы бедности работающих, является востребованность труда, измеряемая в его интенсивности (количество отработанных часов). Однако интенсивный труд совершенно по-разному сказывался на рисках бедности и вероятности её снижения в 1998 и 2018 гг. Из данных рисунка 4 видно, что профили эффектов диаметрально противоположны — если в 1998 г. зависимость бедности от интенсивности труда описывается выпуклой функцией, то в 2018 г. — уже вогнутой функцией. В частности, в 1998 г. дополнительная нагрузка в виде высокой интенсивности труда (более 40–50 часов в неделю) действительно позволяла снизить бедность в среднем с 60 до 50%, однако к 2018 г. аналогичная интенсивность труда уже никак не сказывалась на снижении бедности. Напротив, в отличие от 1998 г., в 2018 г. вероятность бедности сильно возрастала, если человек работал меньше положенных 40 часов, причём это наблюдалось у работников всех образовательных уровней, при этом наиболее интенсивно — у менее образованных групп населения. Таким образом, если в 1998 г. фактором снижения бедности была высокая интенсивность труда, то уже в 2018 г. вероятность бедности существенно снижалась, если человек просто начинал работать — до тех пор, пока его нагрузка не достигнет 40–50 часов, после чего высокая интенсивность труда уже не имела значения. Это говорит об успехе той политики, которая проводилась в последнее время, в рамках которой была повышена граница МРОТ. Тот факт, что даже при существенных переработках вероятность бедности в 2018 г.

сохранялась в среднем на уровне 10%, говорит о том, что этих мер недостаточно для преодоления низких зарплат в российской экономике, в том числе среди образованных работников. Проблема низких зарплат и в целом «плохих» рабочих мест остаётся главной причиной бедности в стране.

Заключение

Таким образом, полученные нами данные позволяют пересмотреть гипотезу И. Селеньи о природе бедности в странах, переживших транзит. Напомним, что его идея состояла в том, что в процессе перехода к рынку роль структурных факторов в детерминации бедности будет ослабевать, а индивидуальных — напротив, усиливаться. Несмотря на масштабное сокращение бедности в стране за 1998–2018 гг., соотношение структурных и индивидуальных факторов практически не претерпело изменений. Мы показали, что влияние структурных факторов, связанных с композицией домохозяйств и качеством рабочих мест, было значимым как в 1998, так и в 2018 гг., равно как и детерминанты индивидуального уровня, прежде всего низкое образование, объясняли бедность и на этапе транзита, и в посттранзитный период. Полученные нами результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что изменилась конфигурация структурных факторов, прежде всего поселенческих, гендерных и профессиональных. Классическая теория транзита не позволяет это объяснить. Вероятно, при рассмотрении бедности в динамике необходимо учитывать социально-экономические процессы, которые не связаны непосредственно с самим транзитом. В России переход к рынку совпал с процессом деиндустриализации постсоветской экономики. Наше исследование показало, что от этого процесса горожане и городские профессии выиграли в первую очередь, в то время как жители сельских поселений и рабочие в массе своей проиграли. В результате риски бедности были переложены на сельские поселения и те профессиональные группы и демографические группы, которые интересуют новую экономику лишь как объект эксплуатации. Неравномерное распределение выигрышей деиндустриализации является главной причиной локализации бедности в новой России.

Одновременно с этим индивидуальные усилия всё меньше влияют на снижение вероятности попадания в бедность и всё большую роль начинают играть структурные факторы. В отличие от ситуации 1998 г., в 2018 г. высокая интенсивность труда уже не имела такого сильного снижающего эффекта на вероятность бедности — важно было просто найти работу на 40–50 часов в неделю. Таким образом, если в 1998 г. к факторам бедности при прочих равных относились слабые усилия работников, то в 2018 г. фактором бедности стала низкая востребованность человека экономикой. Это уже риски рабочих мест, которые связаны скорее не со спецификой российского транзита, а со спецификой глобальных рисков современности, характерных для развитых стран. В этом отношении

природа бедности в новой России стала ближе к причинам бедности европейских обществ, в которых риски прекарности труда и социально-экономической турбулентности в детерминации бедности стали выходить на первое место.

И всё же риски бедности по причинам нестабильности занятости, актуальные для европейских обществ, пока ещё не являются статистически значимыми для широких масс российского населения, что стало безусловной заслугой политики полной занятости, проводимой российскими властями на протяжении последних десятилетий. Однако такая политика привела к консервации «плохих» рабочих мест, на которых не только платят существенно ниже, чем в среднем на рынке, но и задерживают зарплату. Эти факторы во многом объясняют, почему даже при высокой интенсивности труда вероятность оказаться в бедности для россиян составляет в среднем 10%. Причём для женщин, занятых рутинным нефизическим трудом в частных фирмах, эта вероятность ещё больше. Экономическая дискриминация рутинного нефизического труда в России сохраняется десятилетиями. Это может существенно тормозить технологическое обновление данных рабочих мест и воспроизводить неравенство. Вероятно, в обществе назрела необходимость создания целевой программы в рамках существующих целей национального развития до 2030 г., направленной на повышение качества рабочих мест линейного персонала и возможностей массовой переквалификации административных работников.

Список литературы

1. Аникин В. А. Человеческий капитал в пост-кризисной России: состояние и отдача // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10, № 2. С. 90–117. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117.
2. Бедность в России: Государственная политика и реакция населения / Под ред. Дж. Кругман. Вашингтон : Всемирный Банк. 1998. 330 с.
3. Гимпельсон В. Е. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведёт? / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников, А. В. Шарунина // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 22, № 4. С. 489–530. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530.
4. Карабчук Т. С. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ / Т. С. Карабчук, Т. Р. Пашинова, Н. Э. Соболева // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. 22, № 1. С. 155–175.
5. Лежнина Ю. П. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 20–28.
6. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, меж-страновые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева [и др.] ; общ. ред. Н. Е. Тихонова. М. ; СПб : Нестор-История, 2018. 368 с.
7. Мэннинг Н. Россия в беде // Мир России. Социология. Этнология. 2001. Т. 10, № 1. С. 125–152.

8. Радаев В. В. Работающие бедные: велик ли запас прочности // Экономическая социология. 2000. Т. 1, № 1. С. 25–36.
9. Римашевская Н. М. Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 55–65.
10. Семья с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки : докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / С. С. Бирюкова, Е. А. Горина, А. Р. Горайнова [и др.] ; под ред. Л. Н. Овчаровой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 156 с.
11. Слободенюк Е. Д. Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 4. С. 26–38. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6797.
12. Слободенюк Е. Д. Нерыночные факторы бедности в современной России и пути совершенствования социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 3. С. 391–406.
13. Слободенюк Е. Д. Последствия кризиса 2015 года: обеднение или прекаризация? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15, № 2. С. 183–200. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-2-183-200.
14. Социально приемлемая потребительская корзина / В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина, Е. В. Одинцова, А. М. Сафронова // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2 (212). С. 8–26. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10060.
15. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. Социология. Этнология. 2022. (в печати).
16. Тихонова Н. Е. Феномен городской бедности в современной России / Н. Е. Тихонова ; ИКСИ РАН. М. : Летний сад, 2003. 408 с.
17. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней / Л. Н. Овчарова, С. С. Бирюкова, Д. О. Попова, Е. Г. Варданын. М. : НИУ ВШЭ, 2014. 35 с.
18. Ярошенко С. «Новая бедность» в России после социализма // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2010. № 2. С. 221–251.
19. Denisova I. Income Distribution and Poverty in Russia. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. Paris : OECD Publishing, 2012. № 132.
20. Filandri M. Being working poor or feeling working poor? The role of work intensity and job stability for subjective poverty / M. Filandri, S. Pasqua, E. Struffolino // Social Indicators Research. 2020. № 147 (3). P. 781–803. DOI: 10.1007/s11205-019-02174-0.
21. Handbook on in-work poverty / H. Lohmann, I. Marx (Eds.). Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing, 2019. 528 p.
22. Maître B. Low pay, in-work poverty and economic vulnerability / B. Maître, B. Nolan, C. T. Whelan // Handbook on in-work poverty / H. Lohmann, I. Marx (eds.). Cheltenham, England : Edward Elgar, 2018. P. 124–145.
23. Newman K. S. No shame in my game: The working poor in the inner city. New York : Russel Sage Foundation : Vintage Books, 1999. 388 p.
24. OECD Employment Outlook 2009: Tackling the Jobs Crisis. Paris : Organisation for Economic Cooperation and Development, 2009. 286 p. DOI: 10.1787/empl_outlook-2009-en.
25. Poverty and Shared Prosperity 2020 : Reversals of Fortune. Washington : World Bank, 2020.
26. Shipler D. K. The working poor: Invisible in America. New York : Vintage Books, 2005. 504 p.

27. Széleányi I. Poverty and Social Structure in Transitional Societies. The First Decade of Post-Communism. Plovdiv : College of Economics and Administration, 2013.

28. The working poor or how a job is no guarantee of decent living conditions. Geneva : ILO, 2019.

29. Xavier Jara H. Second Earners and In-Work Poverty in Europe / H. Xavier Jara, D. Popova // Journal of Social Policy. 2020. № 50 (3) P. 1–23. DOI: 10.1017/S0047279420000227.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникин Василий Александрович — кандидат экономических наук, PhD, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; старший научный сотрудник, Институт социальной политики НИУ ВШЭ; Москва, Россия. E-mail: vanikin@hse.ru
AuthorID РИНЦ: 205344

Слободенюк Екатерина Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; старший научный сотрудник, Институт социальной политики НИУ ВШЭ; Москва, Россия. E-mail: eslobodenyuk@hse.ru
AuthorID РИНЦ: 779607

Дата поступления в редакцию: 01.08.2021. Принята к печати: 28.09.2021.

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8603

In-work Poverty in Russia: How Determinants Have Changed over the 20 years?

Vasiliy A. Anikin^{1,2}, Ekaterina D. Slobodenyuk^{1,2}

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

²HSE University.

11, Pokrovsky Boulevard, Moscow, Russia, 109028

For citation: Anikin V. A., Slobodenyuk E. D. (2021). In-work poverty in Russia: how determinants have changed over the 20 years? *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 9, № 4. P. 23–41. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8603

Abstract. This paper examines the determinants of in-work poverty and estimates the probability of falling into poverty for various groups of the Russian population in 1998 and 2018. Drawing from the representative RLMS HSE cross-sections, we showed that, despite a large-scale reduction in Russian poverty in 1998–2018, the ratio of structural and individual determinants did not change substantially. At the same time, the configuration of structural determinants has changed. In 2018, personal efforts became less crucial in reducing the likelihood of falling into poverty; the job characteristics and settlement inequalities have become eventually prominent. By 2018, women and rural residents were at the highest chance of poverty, although in 1998, men and a predominantly urban population were at risk. The long-term conservation of “bad” jobs in routine labour and the unequal distribution of the gains from de-industrialization between urban and rural areas over the past two decades are seen as the main explanations for the nature of Russian in-work poverty.

Keywords: poverty; working poor; households; income; wages

REFERENCES

1. Anikin V. A. (2018). Chelovecheskii kapital v post-krizisnoi Rossii: sostoyanie i otдача. [Human capital in post-crisis Russia: status and impact]. *Jurnal Institucional'nykh Issledovaniy*. Vol. 10, № 2. P. 90–117. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117. (In Russ.).
2. *Bednost' v Rossii: Gosudarstvennaya politika i reakciya naseleniya*. (1998). [Poverty in Russia. state policy and reaction of population]. Ed. by J. Klugman. Washington: World Bank. (In Russ.).
3. Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Sharunina A. (2018). Nizkooplachivaemye rabochie mesta na rossiiskom rynke truda: est' li vykhod i kuda on vedet? [Low paid jobs in the Russian labour market: does exit exist and where does it lead to?]. *Ekonomicheskii Jurnal Vysshey Sgkoly Ekonomiki*. Vol. 22, № 4. P. 489–530. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530. (In Russ.).
4. Karabchuk T. S., Pashinova T. R., Soboleva N. E. (2013). Bednost' domokhozyaistv v Rossii: chto govoryat dannye RMEZ VSHE. [Poverty of Russian households: what we know about it from RLMS Database]. *Mir Rossii. Sociologia. Ethnologia*. Vol. 22, № 1. P. 155–175. (In Russ.).
5. Lezhnina Yu. P. (2014). Sotsial'no-demograficheskie osobennosti bednosti v Rossiiskoi Federatsii. [Social demographic specifics of poverty in Russian Federation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 1. P. 20–28. (In Russ.).
6. *Model' dokhodnoi stratifikatsii rossiiskogo obschestva: dinamika, faktory, mezhsranovye sravneniya* (2018). [Model of income stratification of the Russian society: dynamics, factors, inter-country comparisons]. Ed. by N. E. Tikhonova. M.: Nestor-Istoriya publ. P. 368. (In Russ.).
7. Manning N. (2001). *Rossiya v bede*. [Russia is in trouble]. *Mir Rossii. Sociologia. Ethnologia*. Vol. 10, № 1. P. 125–152. (In Russ.).
8. Radaev V. V. (2000). Rabotayushchie bednye: velik li zapas prochnosti. [The working poor: is the safety margin large]. *Ekonomicheskii Jurnal Vysshey Sgkoly Ekonomiki*. Vol. 1, № 1. P. 25–36. (In Russ.).
9. Rimashevskaya N. M. (1997). Sotsial'nye posledstviya ekonomicheskikh transformatsii v Rossii. [Social consequences of economic transformations in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 6. P. 55–65. (In Russ.).
10. *Sem'i s det'mi v Rossii: uroven' zhizni i politika sotsial'noi podderzhki*. (2019). [Families with children in Russia: standard of living and social support policy]. Ed. by L. N. Ovcharova. M.: Isd. dom NIY VSHE publ. 157 p. (In Russ.).
11. Slobodenyuk E. D. (2019). Glubokaya bednost' v Rossii: spetsifika ob»ektivnogo i sub»ektivnogo polozheniya i zaprosy k social'noi politike. [Deep poverty in Russia: the specifics of the objective and subjective poor and their requests for social policy]. *Sociologicheskaya nauka I social'naya praktika*. Vol. 7, № 4. P. 26–38. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6797. (In Russ.).
12. Slobodenyuk E. D. (2013). Nerynochnye faktory bednosti v sovremennoi Rossii i puti sovershenstvovaniya sotsial'noi politiki. [Non-market factors of poverty in modern Russia and ways to improve social policy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. Vol. 11, № 3. P. 391–406. (In Russ.).
13. Slobodenyuk E. D. (2017). Posledstviya krizisa 2015 goda: obednenie ili prekarizatsiya? [Consequences of the 2015 crisis: slipping into poverty or precarity?]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. Vol. 15, № 2. P. 183–200. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-2-183-200. (In Russ.).
14. *Sotsial'no priemlemaya potrebitel'skaya korzina bednost' rossiiskikh professionalov: rasprostranennost', prichiny, tendentsii*. (2019). The Socially acceptable consumption basket. living standards of the population in the regions of Russia. № 2. P. 8–26. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10060. (In Russ.).
15. Tikhonova N. E., Slobodenyuk E. D. (2022). Bednost' rossiiskikh professionalov: rasprostranennost', prichiny, tendentsii. [Poverty of Russian professionals: scale, causes, trends]. *Mir Rossii. Sociologia. Ethnologia*. (in print). (In Russ.).

16. Tikhonova N. E. (2003). *Fenomen gorodskoi bednosti v sovremennoi Rossii*. [Phenomenon of urban poverty in modern Russia]. Publishing House "Letnij sad". 408 p. (In Russ.).
17. *Uroven' i profil' bednosti v Rossii: ot 1990-kh godov do nashikh dnei* (2014). [The level and profile of poverty in Russia: from the 1990s to the present day]. M. : NIU VSHE publ. 35 p. (In Russ.).
18. Yaroshenko S. (2010). «Novaya bednost'» v Rossii posle sotsializma. ["New" poverty in Russia after socialism]. *Laboratorium: Zhurnal Sotsial'nykh Issledovanii*. Vol. 2, № 2. P. 221–251. (In Russ.).
19. Denisova I. (2012). *Income distribution and poverty in Russia*. OECD. Paris. (In Russ.). № 132.
20. Filandri M., Pasqua S., & Struffolino E. (2020). Being working poor or feeling working poor? The role of work intensity and job stability for subjective poverty. *Social Indicators Research*. 147(3). P. 781–803.
21. *Handbook on in-work poverty*. Lohmann H., Marx I. (Eds.). (2018). Edward Elgar Publishing.
22. Maître B. Low pay, in-work poverty and economic vulnerability. B. Maître, B. Nolan, C. T. Whelan. *Handbook on in-work poverty*. H. Lohmann, I. Marx (eds.). Cheltenham, England : Edward Elgar, 2018. P. 124–145.
23. Newman K. S. (1999). *No shame in my game: The working poor in the inner city*. New York : Russel Sage Foundation : Vintage Books, 388 p.
24. OECD Employment Outlook 2009: Tackling the Jobs Crisis. (2009). Paris : Organization for Economic Cooperation and Development. 286 p. DOI: 10.1787/empl_outlook-2009-en.
25. *Poverty and Shared Prosperity 2020 : Reversals of Fortune*. Washington : World Bank.
26. Shieler D. K. (2005). *The working poor: Invisible in America*. New York : Vintage Books. 504 p.
27. Szelényi I. (2013). *Poverty and Social Structure in Transitional Societies. The First Decade of Post-Communism*. Plovdiv : College of Economics and Administration.
28. *The working poor or how a job is no guarantee of decent living conditions*. (2019). Geneva : ILO.
29. Xavier Jara H. (2020). Second Earners and In-Work Poverty in Europe. H. Xavier Jara, D. Popova. *Journal of Social Policy*. № 50 (3) P. 1–23. DOI: 10.1017/S0047279420000227.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anikin Vasilii Aleksandrovich, Candidate of Economy, PhD (Sociology), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Senior Researcher, Institute for Social Policy HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: vanikin@hse.ru

ORCID: 0000-0002-2316-4628

ResearcherID: G-7070-2015

Scopus AuthorID: 55599955200

Slobodenyuk Ekaterina Dmitriyevna, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Senior Researcher, Institute for Social Policy HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: eslobodenyuk@hse.ru

ORCID ID: 0000-0002-4255-5050

ResearcherID: J-9592-2015

Scopus Author ID: 57194721724

The article was submitted on August 01, 2021. Accepted on September 28, 2021.